

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.18>

УДК 81'23

ББК 81.055.1

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Панарина Надежда Сергеевна

Аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания,
Московский государственный лингвистический университет
panarina_n@list.ru
ул. Остоженка, 38, 119992 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Предложенный в статье анализ психосоциального механизма формирования и вербализации культурно-специфического знания позволяет установить сущность прецедентности как качества значения, реализующегося в речевом акте.

Показано, что развитие прецедентного значения предполагает не только формирование понятия как его ядерного компонента, но и включение в структуру значения культурологического содержания в качестве предметно-понятийного компонента, выражающего значимое, по мнению субъекта речевой деятельности, отношение реальности к действительности. Такая значимость заключается в том, что определение содержания указанного отношения репрезентирует для индивида его социальную идентичность.

Пока содержание культурно значимого отношения, репрезентируемого культурологическим компонентом, индивидами осознается, речевой акт представляет собой осознанную апелляцию к культурно-специфическому знанию, речевое действие. Однако в новых актах словоупотребления важным становится именно *качество* отношения как показатель устойчивости культурной группы, использование языковой единицы получает иную функцию.

Внутренняя форма прецедентного значения перестает осознаваться, когда культурологический компонент значения перестает включаться в обобщения как неактуальный, а ядро значения составляют новые, социально более актуальные семантические признаки. Внешняя форма слова все еще сохраняется в сознании представителей лингвокультуры, поскольку ассоциативные связи между новым и старым значениями осознаются вплоть до того момента, когда слово становится для индивида объективным инструментом, не связанным с вербальной репрезентацией социально значимого отношения, а употребление слова – речевой операцией, служащей для решения разных коммуникативных задач.

Любой речевой акт предполагает определенное соотношение и содержание компонентов значения, а наличие культурологического компонента в структуре значения отражает специфику структурных элементов речевой деятельности, поэтому прецедентность охарактеризована как психолингвистическая категория, которая должна рассматриваться с учетом структурных особенностей конкретной речевой деятельности.

Ключевые слова: лингвокультура, речевая деятельность, социальная идентичность, языковое значение, вторичная номинация, прецедентность, прецедентный текст.

В современных психолингвистических исследованиях одной из актуальных проблем является проблема обнаружения способов вербальной репрезентации культурно-специфического знания. В рамках ее решения распространение в отечественной психолингвистике получили понятия «языковое сознание» Е.Ф. Тарасова [10] и «модель когнитивной базы» В.В. Красных [5], в состав ядерных элементов которой включаются прецедентные феномены, лежащие в основе предсказуемых «направленных ассоциативных связей» [5, с. 133], общие для представителей того или иного лингвокультурного сообщества.

Прецедентность в лингвистике впервые описана Ю.Н. Карауловым, который охарактеризовал прецедентный текст как единицу мотивационного уровня языковой личности, опосредующую познавательную деятельность и реализующую скрытую оценочную связь с элементами других уровней [4, с. 241].

Затем в рамках изучения языкового сознания в работах Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова, опубликованных в [10], прецедентный текст был определен как особый вид «интекста». Положения названных концепций стали теоретической основой исследований прецедентности, предпринятых В.В. Красных [5; 6], Д.Б. Гудковым [3], Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой [2] и др. Чаще всего прецедентный текст (далее – ПТ) определяется как элемент когнитивной базы, который связан с конкретным единичным вербальным событием – текстом. Термин «текст» трактуется при этом широко – как семиотическое культурное образование, и анализ специфических свойств выражения прецедентности проводится, как правило, на текстовом материале, чаще лексическом. Следовательно, прецедентность определяется как свойство текста, вне текста не существующее, однако сущностные свойства прецедентности как текстового свойства не установлены.

Многочисленные и разноаспектные исследования прецедентности позволяют заключить, что она представляет собой сложный ментальный феномен, установление сущности которого требует изучения не только содержания сознания индивида, в том числе национально-специфического, но и принципов организации и способов репрезентации этого

содержания, что переводит проблему в область междисциплинарных исследований. Кроме того, не решена сложнейшая проблема вербального оперирования культурно-специфическим знанием, поэтому в науке нет единого представления о природе прецедентности. Отсюда возникает нечеткость в понимании границ прецедентности, и, как результат, появляются различия в представлениях об объекте исследования.

Для установления сущности прецедентности представляется необходимым выявить психосоциальный механизм формирования и вербализации прецедентного знания, динамика которого связана с принципиальной возможностью развития языковых значений.

Настоящая статья – первая попытка изучения прецедентности, которое опирается на анализ:

- лингвокультурных условий возникновения речевого акта – основы прецедентного текста;
- специфики структуры исходного и прецедентного значений;
- условий культурной реализации нового значения и специфики его вербальной реализации.

Культура является средой, с которой взаимодействует индивид, и может трактоваться как совокупность присущих этносу **способов освоения** условий своего существования. Язык – одно из средств присвоения действительности, а потому лингвокультуру можно рассматривать как множество присущих этносу способов действия с единицами языка, как совокупность речевых действий и операций.

Специфика речевого акта – основы прецедентного текста – состоит в том, что говорящий использует для номинации языковые единицы, значение которых фиксирует обобщение актуальных признаков объекта и компонентов культурно-специфического знания. Такое значение назовем *прецедентным* и определим, наличие каких способов действия со словом приводит к его возникновению.

Способ отражает операциональную сторону всякого действия, то, каким образом действие осуществлено, и детерминирован не целью действия, а объективно-предметными условиями ее достижения. Как отмечает В.А. Пищальникова, культурно обусловленная

специфика способов действия со словом может проявляться «**в наличии** специфических **навыков использования** слова в речевой деятельности, **в преобладании** определенных **способов** действия со словом, **в доминировании** определенных **способов** номинации, **в специфическом соотношении** внутренней формы слова и его коннотативных характеристик и т. д.» (выделено нами. – Н. П.) [8, с. 37]. Для представителя того или иного лингвокультурного сообщества культурно-специфическим является в первую очередь функциональное использование слова, оперирование его внешней стороной. Поэтому актуальность способа действия со словом заключается подчас не только (и не столько) в содержании самого слова, но и в значимости слова как инструмента выражения.

Согласно концепции Ю.Н. Караулова, в тезаурусе языковой личности запечатлена система знаний о мире, социальных ролях и референтных группах, культурно значимых речевых операциях. В пирамидальной схеме тезауруса «вершины» имеют больше связей с другими единицами и, будучи значимыми, соотносятся с ценностными представлениями индивида о жизненных идеалах и способах поведения, которые, в свою очередь, связаны с **выбором способов** достижения цели, наиболее желательных и – в силу того – предпочитаемых. На основе ценностно значимого представления о референтной группе и о способах действий, в том числе речевых, индивид выбирает и использует в речевой практике языковые единицы как актуальные и предпочитаемые способы выделения объектов. Реализуясь в различных речевых действиях, такие единицы приобретают новое значение.

Раскрытие основания культурной специфики способа действия со словом требует анализа различий структуры исходного и прецедентного значений. В значении запечатлена общественная практика использования слова, однако не любое употребление слова, в том числе указывающего на культурный объект, сообщает ему прецедентное значение. Формирование прецедентного значения связано с изменением отношения «*реалия – понятие – имя / слово*».

Как отмечает Б.А. Серебрянников, «словесные знаки служат средством языкового

мышления. Поэтому и значения слов постоянно вовлекаются в процесс развития понятий» [9, с. 131]. В прецедентном значении, помимо простого указания на объект, выражено новое социально значимое понятие, сформированное за счет намеренной актуализации признака / ряда признаков исходного имени. Основой формирования понятия становится «функциональное употребление знака в качестве средства, с помощью которого индивид подчиняет себе собственные речевые операции и направляет их действие на решение стоящей перед ним задачи» [1, с. 124], – номинации социально релевантного понятия, ситуации, категории. С формированием такого понятия имя приобретает лексико-семантическую самостоятельность и способность использоваться для номинации других объектов.

Однако формирования нового понятия недостаточно для того, чтобы некоторое имя выражало прецедентное значение, а потому следует также раскрыть механизм вхождения культурологического компонента в значение, закрепления его как компонента внутренней формы значения и воплощения в качестве *предпочитаемости* способа выполнения речевых действий.

Культурологическое содержание включается в структуру значения слова в качестве предметно-понятийного компонента, выражающего существенное, по мнению субъекта речевой деятельности, отношение реалии к действительности. Значимость отношения заключается в том, что содержание его представляется индивиду определяемым только с позиции «*Я как член группы*», а своеобразие значимости подтверждается наличием речевых актов, в которых она осознается индивидом, а содержание отношения не интерпретируется. Определение содержания указанного отношения репрезентирует социальную идентичность индивида и служит удовлетворению его базовой потребности в социальной идентичности, которая, являясь основой переживаемого личностью отношения к себе, становятся значимо выраженными в деятельности индивидов, в том числе речевой. Употребление языковой единицы приобретает специфику: важным в значении становится не столько содержание, сколько особое качество рассматриваемого

отношения как свидетельство устойчивости группы. Тогда возникает и своеобразие словоупотребления, так как культурологический компонент входит уже в ядро значения.

Культурологический компонент определяет аксиологическую маркированность слов, за которыми закрепляется роль вербального репрезентанта культурно-специфического знания. Пока содержание культурно значимого отношения, отраженного в культурологическом компоненте, индивидами осознается, речевой акт представляет собой осознанную апелляцию к культурно-специфическому знанию, речевое действие. Однако языковые значения развиваются: в каждом акте номинации выделяемые признаки объекта входят в обобщение не абстрагированно, а в связях с другими признаками и в соотношении с другими элементами речевого акта. Постепенно культурологический компонент перестает включаться в обобщение как неактуальный для конструируемого смысла. Следовательно, ядро прецедентного значения составляют новые, социально более актуальные семантические признаки. При этом внешняя форма слова все еще сохраняется в сознании представителей лингвокультуры, поскольку ассоциативные связи между новым и старым значениями осознаются: в начале формирования прецедентного значения сильнее, далее – все слабее, вплоть до того момента, когда слово становится для индивида объективным инструментом, не связанным с вербальной репрезентацией социально значимого отношения, а употребление слова – речевой операцией, служащей для решения разных коммуникативных задач.

Приведем пример изменения ядерных компонентов в структуре значения имени *лейтенант Шмидт*. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона характеризует П.П. Шмидта как русского политического деятеля, который отстаивал конституционную монархию, выступал за созыв учредительного собрания и возглавил бунт на крейсере «Очаков» в 1905 г. (ЭС, с. 888–889). Наиболее существенными в значении являются признаки *‘революционер’*, *‘руководитель восстания’*. По отношению к нейтральному признаку *‘политический деятель’* они являются аксиологически маркированными, так как отражают не участие П.П. Шмидта в поли-

тической жизни вообще, а ведущую роль его в конкретном событии, которое занимало важное место в революции 1905–1907 годов. Выделение данных признаков в связи с социальной ролью П.П. Шмидта в определенной политической ситуации становится основой для формирования прецедентного значения имени. В дальнейшем развитие прецедентности имени протекает не за счет частоты указания на самого П.П. Шмидта, а за счет использования имени П.П. Шмидта в актах вторичной номинации.

Например: – *Я сын лейтенанта Шмидта. Председатель смутился и привстал. Он живо вспомнил знаменитый облик революционного лейтенанта* (ИП, с. 292). В структуре значения выражения *лейтенант Шмидт* понятийно-предметным компонентом являются признаки *‘революционер’*, *‘руководитель восстания’*, а коннотативными – *‘храбрый’*, *‘достойный уважения’*.

По сюжету романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова герой апеллирует к имени П.П. Шмидта с целью ввести в заблуждение адресата и получить деньги. Имя используется и далее: *Постепенно упорядочили свою деятельность внуки Карла Маркса, кропоткинцы, энгельсовцы и им подобные, за исключением буйной корпорации детей лейтенанта Шмидта, которую... вечно раздирали анархия* (ИП, с. 300). Предметно-понятийное содержание значения рассматриваемого словосочетания составляет признак *‘те, кто выдает себя за родственника героя революции’*, сигнификат же включает иные признаки: указание на конкретные поступки П.П. Шмидта уже не является значимым. Ранее упомянутый коннотативный признак *‘достойный уважения’* включается в содержание сигнификата: *‘выдает себя за того, кто достоин уважения, и на основании чужих заслуг претендует на особое расположение людей’*, что иллюстрирует увеличение **значимости** отношения предметно-понятийного компонента и действительности при уменьшении внимания к **содержанию** отношения. Новые коннотативные признаки образуются из соотношения сигнификата и объекта номинации, данного в связях, характеризующих отношение общества и человека, выдающего себя за другого. Отношение

негативно и отражено в признаках: *‘те, кто действует путем обмана’*, *‘жулики’*. Формированию негативной коннотации способствует и знание общеизвестного факта об отсутствии у П.П. Шмидта детей.

Сегодня выражение *дети лейтенанта Шмидта* толкуется как *«Разг. Ирон. О мошенниках, аферистах, самозванцах, выдающих себя за потомков великих людей»* (БСРП, с. 189) со ссылкой на роман *«Золотой теленок»*. В предметно-понятийном содержании значения этого выражения может быть четко выделен признак *‘жулик’*.

Таким образом, динамика значения проявляется в переходе дополнительных признаков в разряд понятийно-предметных. При этом по мере использования имени во все новых актах вторичной номинации признаки, ранее входившие в ядро значения, в частности информация о деятельности П.П. Шмидта и ее исторической значимости, становятся неактуальными, перестают осознаваться.

Рассмотрим далее, каким образом вербальная реализация прецедентного значения способствует вхождению новых признаков в обобщение. Например: *Шкаф модели «мавзолей» сопротивлялся переезду больше всех. Бил меня по морде дверью и на поворотах посыпал мумиями тараканов* (СС). Смысл слова *мавзолей* ориентирован на характеристики объекта: массивность, неповоротливость, старость. Шкаф («предмет мебели, предназначенный для хранения») косвенно награждается новым признаком: *‘предназначен для погребения’*. Установлению этого функционального сравнения служит также выражение *посыпал мумиями*. Признак *‘служить для погребения’* является компонентом значения слова *мавзолей*, который в акте вторичной номинации, переходя элементом внутренней формы в новое значение, вступает в противоречие с другими признаками, существенными для структуры значения слова *шкаф* (*‘предмет мебели’*), обуславливая таким образом возникновение иронического эффекта. Признак *‘предмет мебели’* становится новым элементом значения слова *мавзолей*, возникшим в акте вторичной номинации. Иные признаки значения слова *мавзолей*, которые ранее составляли его внутреннюю форму, в новом значении неактуальны. *Мавзолей*

изначально – «гробница карийского царя Мавсола, отличавшаяся своим великолепием» (БТС, с. 511). Признаки *‘усыпальница общественного деятеля’*; *‘памятник, представляющий религиозную и архитектурную ценность’*, а также признак *‘внешнее великолепие’* в новое значение не входят. В акте вторичной номинации структурообразующими в значении становятся признаки *‘большой’*, *‘занимающий много места’*, *‘громоздкий’*, которые в акте первичной номинации могли играть роль коннотативных.

«Переосмыслимое значение словесного знака не только приспосабливается к выражению нового для него внеязыкового содержания, но и опосредует его в самом процессе отражения» [9, с. 135]. Приспособление значения состоит в том, что выделяемый актуальный признак участвует в новых обобщениях, опосредование отражения – в том, что по данным обобщениям объект начинает противопоставляться другим объектам. В рассмотренном примере употребления слова *мавзолей* признак *‘служить местом погребения’* включается в обобщение с контекстуальными признаками шкафа (*‘трудно перевозимый груз’*), а также может включаться в обобщения с признаками шкафа вообще (*‘плотной’*, *‘духовой’*, *‘несгораемый’*). Переосмыслимое значение слова *мавзолей* вступает в новые обобщения, которые не могли возникнуть в актах первичной номинации. Далее это значение само опосредует внеязыковое содержание в его отражении тем, что на основе новых обобщений понятие *мавзолей* начинает противопоставляться тем понятиям, с которыми раньше не имело связи (понятиям о легко перевозимых предметах), что вызывает появление новых признаков в значении.

Приспособление значения к выражению нового и опосредование отражения нового связаны отношением взаимовлияния. В прецедентных значениях этот процесс может стать причиной забвения внутренней формы. Ситуация вторичного именованья добавляет новые признаки в структуру значения, что приводит к перестройке внутренних связей, которую можно объяснить с позиций теории деятельности как механизм превращения действия в операцию.

«Действием мы называем процесс, подчиненный сознательной цели» [7, с. 81]. Осознание цели есть результат апробирования целей действием. Осознание внутренней формы прецедентного значения предполагает понимание значимости и содержания отношения компонентов значения. «Операция есть результат преобразования действия в результате его включения в другое действие. <...> Оно уже перестает осуществляться в качестве целенаправленного процесса: его цель не выделяется» [7, с. 84–85]. Оперирование отсылкой к ПТ может являться примером усложнения номинативной деятельности, в которой употребление слова включается в сознательное именование другого объекта, а соответственно, не имеет целью апелляцию к прецеденту как таковому.

Изначально использование отсылки к ПТ, как было показано, предполагает осознание связей сигнификативных и коннотативных компонентов значения. Более того, акт номинации обусловлен пониманием этих связей, цель входит в структуру действия. Соотношение всех элементов речевого акта осознается говорящим и отражается в речевом действии. Впоследствии использование имени в актах вторичной номинации может превратиться в речевую операцию, когда соотношение предметно-понятийных и коннотативных признаков перестает осознаваться, поскольку не связывает цель – номинацию объекта – с необходимостью указания на культурно значимое содержательное отношение, а отражает лишь способ действия. «Исследование деятельности требует анализа именно ее внутренних системных связей. Иначе мы оказываемся не в состоянии ответить даже на самые простые вопросы – скажем, о том, имеем ли мы в данном случае действие или операцию» [7, с. 65].

Итак, любой речевой акт включает условия для изменения соотношения компонентов прецедентного значения и элементов речевого акта. Соотношение и содержание компонентов (наличие культурологического компонента в числе коннотативных и сигнификативных признаков) отражают специфику структурных элементов речевой деятельности. Вышесказанное позволяет заключить, что

прецедентность является психолингвистической категорией и требует анализа, учитывающего структурные особенности конкретной речевой деятельности, отраженные в структуре и содержании прецедентного значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 2007. – 352 с.
2. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – М. : Академия, 2007. – 336 с.
3. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 263 с.
5. Красных, В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – 1997. – № 1. – С. 128–145.
6. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2004. – 352 с.
8. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики : Курс лекций. В 3 ч. Ч. 2. Этнопсихолингвистика / В. А. Пищальникова. – М. : Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 2007. – 200 с.
9. Серебренников, Б. А. Языковая номинация (Виды наименований) / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1977. – 358 с.
10. Язык и сознание: парадоксальная рациональность / под ред. Е. Ф. Тарасова. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 1993. – 174 с.

СЛОВАРИ

БСРП – Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

ЭС – Энциклопедический словарь. В 86 т. Доп. т. ПА (86). Пруссия – Фома. Россия / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского ; изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Тип. АО Брокгауз–Ефрон, 1907. – С. 481–934, ХСVIII.

ИСТОЧНИКИ

III – Ильф, И. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Записные книжки Ильфа / И. Ильф, Е. Петров. – Воронеж : Коммуна, 1958. – 695 с.

СС – Слава Сэ. О перемещении роялей / Слава Сэ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pesen-net.livejournal.com/79320.html>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Vygotskiy L.S. *Myshlenie i rech* [Cognition and Language]. Moscow, Labirint Publ, 2007. 352 p.
2. Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. *Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoy kommunikatsii* [Introduction to the Intercultural Communication Theory]. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 336 p.
3. Gudkov D.B. *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 288 p.
4. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Izd-vo LKI, 2010. 263 p.
5. Krasnykh V.V. Kognitivnaya baza vs kulturnoe prostranstvo v aspekte izucheniya yazykovoy lichnosti (k voprosu o russkoy kontseptsofere) [Cognitive Base vs Cultural Space in Terms of Linguistic Personality Analysis (Revisiting the Question of the Russian Scope of Concepts)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*, 1997, no. 1, pp. 128-145.
6. Krasnykh V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p.
7. Leontyev A.N. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness and Personality]. Moscow, Smysl Publ., 2004. 352 p.
8. Pishchalnikova V.A. *Istoriya i teoriya psikholingvistiki: Kurs lektsiy. V 3 ch. Ch. 2. Etnopsikholingvistika* [History and Theory of

Psycholinguistics: Course of Lectures. In 3 Parts. Part 2. Ethnopsycholinguistics]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta, 2007. 200 p.

9. Serebrennikov B.A. *Yazykovaya nominatsiya (Vidy naimenovaniy)* [Language Nomination (Kinds of Nominations)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 358 p.

10. Tarasov E.F., ed. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsionalnost* [Language and Consciousness: Paradoxical Rationality]. Moscow, Izd-vo Instituta yazykoznaniiya, 1993. 174 p.

DICTIONARIES

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bolshoy slovar russkikh pogovorok* [Big Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007. 785 p.

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

Arsenyev K.K., Petrushevskiy F.F., Brokgauz F.A., Efron I.A., eds. *Entsiklopedicheskiy slovar. V 86 t. Dop. t. IIA (86). Prussiya – Foma. Rossiya* [Encyclopedic Dictionary. In 86 vols. Add. Vol. IIA (86). Prussia – Foma. Russia]. Saint Petersburg, Tip. AO Brokgauz – Efron, 1907, pp. 481-934, XCVIII.

SOURCES

Ilf I., Petrov E. *Dvenadtsat stulyev. Zolotoy telenok. Zapisnye knizhki Ilfa* [The Twelve Chairs. The Golden Calf. The Sketch Book of Ilf]. Voronezh, Kommuna Publ., 1958. 695 p.

Slava Se. *O peremeshchenii royley* [On Moving the Pianos]. Available at: <http://pesen-net.livejournal.com/79320.html>.

PRECEDENCE AS A PSYCHOLINGUISTIC CATEGORY

Panarina Nadezhda Sergeevna

Postgraduate Student,
Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University
panarina_n@list.ru
Ostozhenka St., 38, 119992 Moscow, Russian Federation

Abstract. The use of particular linguistic units by representatives of a linguacultural community as the most preferable verbal actions is not necessary to be a case of verbal operations with some culturally specific knowledge. The analysis of a psychosocial mechanism

used for generation and verbalization of such a knowledge allows to define the nature of precedence as a characteristic of meaning that is being effected in a speech act.

The development of precedent meaning indispensably assumes not only generation of the definition component, but also entry into a structure of a culturological component meaning. The culturological component reflects a relationship between a subject-concept component of the meaning and the other elements of a speech situation – the relationship, which is notional for a person. Importance of the relationship consists in fact that definition of its content represents to a person their social identity.

Until a person understands the content of relationship, which is represented by the culturological component, the use of corresponding linguistic units to nominate new objects of reality is a supraliminal appeal to the precedent knowledge, a speech act. But for new acts of usage the main thing is definitely *quality* of relationship as a characteristic of the cultural group stability, and the linguistic unit usage derives a new function.

When the culturological component of the meaning is not included into generalization, since it is irrelevant one, and the core of meaning is composed of new and more relevant for the usage features, you can no more realize the inner form of the precedent meaning. The outer form is still relevant, since it is kept in mind by the representatives of linguaculture as the one which is preferable for usage. In this case the linguistic unit is just a tool not related to verbal representation of socially significant attitude, and its usage is a speech operation, a way to perform different speech acts.

In summary, any speech act assumes particular correlation and content of meaning components. Presence of culturological component in meaning structure represents specific nature of speech activity structural elements. Therefore, precedence is a psycholinguistic category, which must be considered taking into account structural features of a particular speech activity.

Key words: linguaculture, speech activity, social identity, linguistic meaning, secondary nomination, precedence, precedent text.